

Александр Иванович Куприн

Самоубийство

Александр Иванович Куприн

Самоубийство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2524575

Аннотация

«Самоубийство, милостивые государи... это, видите ли, как кто смотрит. Очень может быть, что бывают такие случаи, когда необходимо избавить мир от своего гнусного существования. И тогда человек уходит спокойно, вежливо, никого не обременяя своими похоронами. Но бывает и так, что человек кокетничает перед смертью. Подносит револьвер к виску, к сердцу и в то же время глядится в зеркало, полузакрывая глаза. И воображает: какое потрясающее впечатление произведет он, когда будет мертвым!...»

Александр Иванович Куприн Самоубийство

Самоубийство, милостивые государи... это, видите ли, как кто смотрит. Очень может быть, что бывают такие случаи, когда необходимо избавить мир от своего гнусного существования. И тогда человек уходит спокойно, вежливо, никого не обременяя своими похоронами. Но бывает и так, что человек кокетничает перед смертью. Подносит револьвер к виску, к сердцу и в то же время глядится в зеркало, полузакрывая глаза. И воображает: какое потрясающее впечатление произведет он, когда будет мертвым!..

И бывают такие случаи, что люди не разбираются между любовью и смертью и, как Панурговы бараны, пошли скакать через борт.

Меня часто удивляло: почему они (самоубийцы) прибегают к такому гнусному средству самоубийства, как отравление серной кислотой, нашатырем, уксусной эссенцией, окисью углерода и карболкой?! Захватило горло... нечем дышать... и человек корчится шестьдесят часов подряд, лова воздух, как рыба, выброшенная на берег... Вешаться тоже ужасно. Петля... мыло... необходимость вышвырнуть изпод себя скамейку... несколько секунд изображать собою ка-

чающийся маятник, – конечно, я не верю, что это сладкая смерть!..

Итак, я решил прибегнуть к пистолету... Правда: я не знал разницы между пистолетом и револьвером. Хитрыми путями, у аптекарского помощника Шперовича я добыл на время револьвер для партийных целей...

Тут я забыл сказать, что причиной моего самоубийства было то обстоятельство, что Юленька, обещав мне в Сокольниках, на кругу, третью кадриль по назначению, – вдруг изменила мне и танцевала эту кадриль с акцизным надзирателем Покорни!..

Все было готово для моей смерти... Несколько разя заряджал и разряжал револьвер, щелкая курком... Все было в порядке: смерть приближалась ко мне медленными, холодными шагами...

О, если бы вы знали, как мне было жалко себя!.. Подумайте: молодая жизнь, красота... огонь... вдохновение – идут в ту страну, откуда нет возврата!..

Всунув сальные патроны в барабан этого оружия и убедившись в том, что они не выстрелят, я сел против памятника Пушкину на Тверском бульваре и стал обдумывать мое великое решение...

«Пушкин тоже умер от пули!..» – вспомнил я, и мне сделалось легче... Мимо ходили крашенные женщины... Зачем?.. И они умрут когда-нибудь... но я – раньше!.. Поплакал. Подождав еще немножко, стал мечтать... Мечтал о том, что ка-

кая-нибудь старушка или добродетельный банкир подойдут и вдруг спросят:

– О чем вы грустите, молодой человек?..

Но, как всегда бывает в жизни, когда тебе не нужны старушки и банкиры, они лезут к тебе, как мошकारа, а когда нужно – их нет!.. Эта аксиома как нельзя лучше на мне оправдалась.

Нужно ли прибавлять к тому, что я рассказал, что мне было в это время восемнадцать лет?.. Великолепный возраст, когда презираешь родителей и уважаешь сверстника, у которого уже пробиваются усы!..

В то время я увлекался морским спортом, хотя никогда не видал моря. Я сообразил, что алтарь Страстного монастыря должен выходить на восток... Стало быть – Тверская, идущая к Триумфальным воротам, ведет на север... Я взял румб NO и, конечно, в конце концов по этому румбу и ошвартовался в каком-то грязном кабачке где был длинный коридор и налево – номера, вроде стойл... Подошел служащий. Белая рубашка, белые штаны, розовый поясok на животе, и за пояском кошелек и гребешок...

– Чем прикажете служить, ваше сиятельство?

Нечего говорить о том, что я хотел написать предсмертную записку, и поэтому сказал небрежно:

– Дайте перо, чернила, бумагу!..

– Что-нибудь закусить?.. – ласково спросил он, раскрывая прейскурант. – Или из напитков что прикажете?

– Да, и из напитков... что-нибудь!..

– Коньячку-с?.. – спросил он еще более лукавым тоном.

– Ну, да... хоть коньячку!..

– Четвертиночку?.. полбутылочки?.. бутылочку?.. – выпалил он московской скороговоркой...

Мне было все равно: ведь я был самоубийца, и поэтому ответил свысока:

– Ах, бутылка... полбутылки!.. Давайте скорей и... и уходите!..

Но вдруг этот белобрысый, весь в веснушках, расторопный ярославец нагнул ко мне и серьезно спросил:

– А пистолет?.. Собственный?.. Или от хозяина прикажете?..

Мерзавец!.. Каким образом он проник в мои мысли, я до сих пор не понимаю!.. Я знаю только, что его звали Афанасий, и каждое утро и вечер, вспоминая в молитвах моих живых и усопших друзей, я шепчу, правда в конце, имя... раба Афанасия!..

Во мне теперь шесть пудов пятнадцать фунтов. У меня трое детей – великолепные ребятишки: два мальчика и одна девочка (ей-богу: хоть я и отец, но не покривлю душой!). Жена на днях родит, и я верю, что благополучно, а мне к пасхе обещают место начальника почтово-телеграфной конторы.

Да здравствует жизнь!..